

После того как все разошлись, Лю Яоцин потянул Чжэцзы за собой, усадил его рядом и, положив яйца из мешочка ему на колени, сам придвинулся поближе.

— Они пришли по приказу, а мы простые люди. Нельзя же их просто прогнать. Обижать их точно неразумно, лучше сделать так, чтобы им было комфортно. К тому же, у нас ведь скоро строительство, а эти семь-восемь человек — крепкие работники. Потом я поговорю с ними, может, смогут помочь.

Хотя Лю Яоцин не знал, откуда эти люди, он не был тем, кто колеблется и сомневается. Он действовал решительно, и если под рукой были готовые рабочие руки, то грех было ими не воспользоваться.

— Позже отправим весточку в уездный город, попросим бабушку и её семью разузнать, кто такой уездный начальник Ду, — сказал Лю Яоцин, играя пальцами Чжэцзы.

— Цин-гэр, — с легкой обидой в голосе произнес Чжэцзы, — мне кажется, они нечисты на руку, нехорошие люди.

Лю Яоцин выпрямился, наклонился и поцеловал его в щеку, улыбаясь.

— А что, если они и нехорошие? Разве ты не со мной? Разве мы их испугаемся? Если что, соберем вещи и убежим в горы. Даже если за нами погонится сотысячная армия, они нас не найдут, и мы будем жить, как жили.

Дома у них были помидоры и картофель, а если взять с собой ещё и лепёшки, то проблем с пропитанием не будет.

Чжэцзы, чувствуя, как Лю Яоцин полагается на него, наконец улыбнулся.

— Цин-гэр, не волнуйся, сколько бы ни пришло людей, я всех прогоню.

— Да, конечно, не волнуйся, — Лю Яоцин положил руки на плечи Чжэцзы и встал, приставив ладонь ко лбу козырьком. — Завтра начнём копать фундамент. Позовём деревенских помочь, в обед накормим, а работу будем оплачивать ежедневно.

Только что Лю Яоцин говорил, что они простые люди, которые никого обижать не могут, а теперь оба уверенно считали, что бояться нечего. В крайнем случае, можно уйти в горы и жить там спокойно.

На ужин Лю Яоцин не смог остаться у Чжэцзы. Старик Лю специально послал Чжэн-гэ позвать его домой.

Когда Лю Яоцин ушёл, Чжэцзы холодно посмотрел на солдат, стоявших во дворе.

— Цин-гэр сказал, что вы будете работать за оплату. Согласны?

Несколько человек переглянулись, но никто не отказался.

Не зная, что Чжэцзы уже обсудил с ними это, Лю Яоцин пошёл домой с Чжэн-гэ. Ужин уже был на столе, и вся семья собралась. Старик Лю, увидев Лю Яоцина, даже улыбнулся.

Спокойно сев за стол, Лю Яоцин заметил, что еда была чуть лучше, чем обычно. Перед стариком Лю стояла небольшая тарелка варёного арахиса, и он пил вино из диких ягод, не притрагиваясь к арахису.

Сяо Бао с палочками в руках подбежал к столу, то и дело подхватывая арахис. Если бы не следили за ним, можно было бы и не заметить его действий.

— Свадьба назначена через три дня, — тихо сказала Ли-ши, заметив, что Лю Яоцин почти не ест.

Достав из кармана яйцо, подаренное Чжэцзы, Лю Яоцин постучал им о край стола, очистил скорлупу и положил варёное яйцо в чашку Син-гэ. Затем дал яйцо Юй-гэру, а последнее оставил себе.

Эр Ха и Хэйбэй лежали у ног Лю Яоцина. Они уже наелись у Чжэцзы, где их кормили костями и кашей, и теперь даже не смотрели на еду на столе.

— Бабушка, я хочу яйцо, — Сяо Бао, съев почти весь арахис, бросил палочки и начал канючить рядом с Ли-ши.

Взглянув на Лю Яоцина, Ли-ши сжала губы, взяла чашку Сяо Бао и велела ему есть кашу.

Домашние яйца обычно продавали, а оставшиеся доставались Сяо Бао. Вчера он сам съел два яйца за обедом, а теперь будто и не помнил об этом.

— Хочу яйцо, хочу яйцо... — Сяо Бао продолжал канючить, косо поглядывая на Лю Яоцин.

— Цин-гэр, у тебя ещё есть яйцо? Дай Сяо Бао, — Лю Цюаньцзинь, оглядевшись, сам заговорил.
— Юй-гэр старше Сяо Бао, а у него есть.

До рождения Сяо Бао в доме были только Лю Яоцин и Юй-гэр, но они не ели яиц, потому что были гэрами, которых в будущем выдавали замуж. Ли-ши хотелось, чтобы они вообще не ели, а сразу выросли и ушли из дома.

Лю Яоцин не хотел вспоминать эти слова, но, глядя на Лю Цюаньцзиня, который говорил так, будто это само собой разумеется, он снова достал яйцо из кармана, подержал его в руке и улыбнулся.

— Дедушка, дядя, бабушка, я правда должен отдать это яйцо Сяо Бао?

На красивом лице Лю Яоцина играла улыбка, но старик Лю вздрогнул. Он с укором посмотрел на Ли-ши и, кашлянув, сказал:

— Оставь его себе.

— Оно и так моё, почему я не могу его оставить? — Лю Яоцин всё ещё улыбался. — Дедушка, ты говоришь так, будто мне не положено его брать.

Старик Лю привык к тому, что в доме его слово — закон, и раньше он вообще не считал Лю Яоцина за человека. Теперь, не замечая этого, он опять начал так себя вести, и его лицо слегка исказилось.

Но Лю Яоцин, уже начав давить, не собирался останавливаться. Очистив яйцо, он сам его съел и, улыбаясь, сказал:

— В будущем, если кто-то ещё будет зариться на мои вещи, пусть готовит большую жгучую траву.

Старик Лю проглотил слова о том, что Сяо Бао ещё маленький. Он заметил, что Лю Яоцин изменился.

Раньше старик Лю и Ли-ши могли просто сделать определённое выражение лица, и третья семья сразу же начинала им угождать. Потом Лю Яоцин начал действовать, и что бы старик Лю ни говорил, всё встречало отпор. Теперь Лю Яоцин, похоже, вообще не собирался больше спорить.

Это осознание заставило старика Лю почувствовать холод по всему телу. Он посмотрел на Лю Цюаньцзиня, который опустил голову, и на Лю Цюаньфу, чей взгляд был неуверенным. Внезапно он задумался: неужели это всё ещё его семья Лю?

— Что ты выпендриваешься? Когда второй поднимется, посмотрим, как ты заплачешь, — пробормотал Лю Цюаньфу, сжимая кулаки и мрачно глядя в сторону Лю Яоцина. — Мы скоро станем чиновниками.

Услышав это, старик Лю вдруг очнулся от своих мыслей. Его спина выпрямилась, а глаза загорелись.

Когда все вошли в дом, старик Лю спокойно сказал:

— Через три дня Чжун-гэ женится, и Цин-гэр, конечно, поможет. Денег в доме мало, я подумал, что вещи Цин-гэра останутся у нас, но мы запишем долг. Я напишу расписку, Цин-гэр, как ты на это смотришь?

На свадьбу уходило много денег. Ли-ши попросила младшую Ли-ши выдать приданое, но старшая пара пришла жаловаться, что у них нет ни гроша.

Лю Цюаньфу предложил старику Лю взять расписку у Лю Яоцина, чтобы потом постепенно вернуть долг.

Сначала старик Лю сомневался, но, вспомнив о втором сыне в городке, снова почувствовал уверенность. Теперь он сказал это, не ожидая, что Лю Яоцин откажется. В конце концов, расписка — это белое на чёрном, деньги точно не пропадут.

— Дедушка? — Лю Яоцин неуверенно позвал.

Старик Лю просто сказал: «Напишем расписку», как будто это ничего не значит. Но он не подумал о том, что если деревенские узнают, что Лю Яоцин берёт расписку у собственного деда, то никто не станет винить старика Лю, а все скажут, что Лю Яоцин бессердечен, и Лю Цюаньцзинь тоже будет беспокоен.

Обернувшись к Лю Цюаньфу, Лю Яоцин улыбнулся. Хорошую идею подал его дядя.

Поскольку семья не разделилась, деньги на свадьбу Чжун-гэ должен был дать старик Лю, а расписку он же и написал. Но работать в доме могли только старик Лю и Лю Цюаньцзинь, отец Лю Яоцина. Чтобы избежать пересудов в деревне, Лю Яоцин не мог позволить Лю Цюаньцзиню вернуть долг.

Этот план был настолько отвратительным, что Лю Яоцин почувствовал тошноту.

— Ладно, если дедушка настаивает на расписке, то сначала разделим семью. В семье не берут расписок, — спокойно сказал Лю Яоцин.

Лю Цюаньцинъ резко встал.

— Как можно разделить семью? Я не согласен.

— Нельзя, — покачал головой старик Лю.

Работали в доме только он и Лю Цюаньцинъ. Если разделить семью, то столько полевых работ просто не осилить, а на старшего надеяться не приходилось.

— В семье не берут расписок, дедушка, думай сам, — сказал Лю Яоцин, встал и ушёл, а Эр Ха и Хэйбэй тяжело дыша последовали за ним.

<http://bllate.org/book/16688/1531883>